

ПРОБЛЕМЫ И ГЕРОИ

Одним из добрых знамений нашего времени можно назвать весьма заметный подъем прозы. Скоро не перечислить те произведения, которые стали вехами в движении литературы. Бурное развитие прозы всегда следствие интенсивной жизни общества, следствие поисков и открытий. Все лучшее в литературе всегда отмечено печатью глубокой мысли. Корчагин и Давыдов много и напряженно думали о жизни, много и напряженно думают о ней и герои современных книг. Однако сама сфера мысли стала более всеобъемлющей после исторических решений XX и XXII съездов КПСС; открылись прежде недоступные тайники жизни, и как никогда перед литераторам предстала возможность широко и всеобъемлюще ее осмысливать.

Есть и еще одна особенность современной литературы, чрезвычайно, может быть, важная для небольшого отряда писателей, проживающих в крае. Стало воистину сбываться то, о чем мечтал, что предсказывая когда-то Горький. Литература становится всероссийской, исчезает постоянное деление на сто-

Вопрос о наследстве принадлежит к числу вечных. Всегда, в силу хотя бы биологических законов, не говоря уж об иных, одно поколение сменяется другим. В недавнее время долго и ожесточенно спорили об отцах и детях, привнося в этот спор много полемического задора, иногда забывая о главном. Но главное заставляла вспоминать о себе. Оно, это главное, требовано рук человека и сердца.

Деды и отцы начали строить дом. Строили надолго, прочно. Главное и заключалось о том, что дом надо достраивать. Поэтому подлинными наследниками — те, кто возьмет в руки лопату,

личных и периферийных писателей.

На пленуме Московского отделения Союза писателей говорилось о том, что московские писатели — авангард писательской организации. Кто же станет возражать против этого. И все-таки как не назвать в авангарде же сибиряков С. Зальгина, В. Липатова, А.Ч. Иванова, ростовчанина Ан. Калинина, владимирца В. Краковского и других, о произведениях которых в последние годы говорилось, может быть, даже больше, чем о книгах столичных писателей.

Этот процесс свидетельствует, конечно, о том, что критерии и мерки повсюду стали иными и устанавливаются, кроме прочих, главная мерка, о которой порой забывали, — талант автора.

В жизни ставропольских писателей, как в маленьком ручейке, отражается то, что происходит в литературе страны. Проза в последние несколько лет стала значительно обильнее. Прежде, бывало, днем с огнем, и то с великим трудом, отыщешь добротную повесть, а теперь рождаются они щедро — не как грибы после дождя, но уже немало написано такого, что позволяет говорить о добром

НАСЛЕДСТВО И НАСЛЕДНИКИ

мастерок, сядет за машины, если надо, и станет достраивать дом. Они могут восторгаться прочностью стен или ругать своих предшественников за ошибки, но они будут действовать, будут дело делать. А что сказать о тех, кто, к примеру, встанет среди работающих, сложит руки и начнет хулить вчерашних строителей. И хулу эту сделает содержанием своей жизни. Или о тех, кто норовит среди общей страды захватить побольше строительных материалов в свое собственное пользование, памятуя, что и он наследник.

Вопрос об ответственности наследников за судьбу наследства один из животрепещущих, и не случайно

Татьяна Батурина

урожае.

Самой, может быть, главной приметой времени можно назвать стремление авторов не просто отражать жизнь, подгоняя ее в рамки задуманной схемы, анализировать, осмысливать, убеждать. Нельзя сказать, что наши прозаики в полной мере освободились от схематизма, не признаки такого освобождения налицо. Читая книги, сразу же чувствуешь, что это не произведение на такую тему, а размышление о жизни, о человеке.

Самые большие удачи у наших писателей, на мой взгляд, в повестях, условно говоря, о молодом современнике. Условно — потому, что молодой современник — это лишь идейный центр произведения, та призма, сквозь которую смотрится мир; вообще же круг изображаемых явлений гораздо шире. Среди таких повестей можно назвать «Наследство полковника Данилова» В. Туренской, «Сегодня, завтра, всю жизнь» К. Черного, «Сто пятую жизнь Акбара» В. Чернова, «На взлетной полосе» В. Колесникова, «Острова» В. Мазницына.

в последнее время наблюдается в литературе тяготение к роману, охватывающему большие отрезки времени, на страницах которого встречаются появления.

Эта же особенность нашла свое отражение и в таком жанре, как повесть. Среди многих повестей незаслуженно осталась без внимания повесть В. Кетлинской «Плато выше туч» («Молодая гвардия» № 8, 1964). Остановлюсь на ней еще и потому, что В. Кетлинскую интересует одна из сторон того вопроса, который решается в написанной несколько ранее повести В. Туренской «Наследство полковника Данилова». В отношении писательниц к наследству есть

много общего.

Герой повести В. Кетлинской очень молод, он еще студент. Однако молодость не мешает Димке много думать о жизни. Пока мысли его не были испытаны жизнью, чувствовал он себя настоящим гражданином и мог даже снисходительно упрекать отца и мать за ошибки их поколения. Родители Димки — из тех, кто своими руками воплощал революцию в дела. Это рыцари революции. Но есть в их прошлом такой момент, о котором тяжело вспоминать. Момент, когда побоялись они выступить за несправедливо обвиненного человека — это было, когда родился Димка. Но боялись из-за него, из-за жалости к этой, едва мерцающей жизни. Потом Димкин отец помогал жене арестованного товарища, в виновность, которого не верил, но надолго осталось сознание собственной вины. И вина была — перед другом, перед собой, перед сыном. Если положить на одну чашу весов ее, а на другую — долгу жизнь, полную труда и лишений, то вторая перетянет. И все-таки в душе навсегда поселилось тяжелое чувство. С легкостью необыкновенной бросает Димка упрек в адрес старшего поколения: «Да, конечно, храбрости у них не хватало», — суровый упрек наследника, перечеркнувшего единым словом годы мужества и борьбы.

И все-таки не это упрек потряс родителей. Потрясло их другое, что было упреком, во сто крат более горьким. Их Димка, их гордость и надежда, спасовал перед жизнью. Товарищу грозит беда. Мать предлагает Димке выступить на собрании в защиту товарища.

«— Да ты понимаешь, — выкрикнул Димка, — что это значит — выступить против Сыча?!

— А что это значит?! — окаменелым голосом спросил отец.

Мать стояла и смотрела на сына. Димка чувствовал, что оба напряженно ждут его ответа...

— А то, что Сыч ведет у

нас всю физику, мне ему чуть не каждую неделю коллоквиум сдавать. И на экзаменах он без отлучки. Он же так отыграется!..

И тут произошло невероятное — мать шагнула к нему и со всей силы ударила его по щеке. Мать, которая с детства ни разу не ударила его!..

— Мелких неприятностей испугался, трус! И ты смеешь! Смеешь!.. Нас!..»

Не так-то легко было Димке преодолеть робость и страх, и, вероятно, понял он, как важно быть мужественным всю жизнь, во всем, начиная с самой малости, если хочешь быть человеком, если хочешь быть достойным того дела, которое ему, Димке, продолжать.

В. Туренскую в повести «Наследство полковника Данилова» волнует другая сторона этого же вопроса — борьба вокруг наследства. Да, вокруг наследства идет незаметная, а иногда и заметная борьба, борьба революционности и мещанства, человечности и равнодушия. Главный герой повести — Данила Власов — тоже студент, один из тех настоящих, цельных людей, на которых всегда держится жизнь. Данька — не схема. В нем много живого, непосредственного, идущего от юности — и показная развязность, и легкомыслие, и любовь потешиться над серьезным, но под всем этим наносным — умная и добрая душа. В этом хорошем, но взбалмошном пареньке постепенно формируются убеждения коммуниста и активность гражданина.

Смерть полковника Данилова была не первым, но самым тяжелым горем Даньки, и она сделала его взрослым человеком, осознавшим свою ответственность за все то, что было дорого полковнику. Незадолго до смерти полковник говорил своему племяннику:

«— Я, Данила, от отца с дедом, от деда Якова тоже наследство получил. Дали они мне в наследства рабочую мудрость, ненависть к тому, что изломало их жизнь. Любовь к

человеку дали. Богатое я, Данила, наследство получил.

...А тебе, Данила, я в наследство завещаю ненависть к «я» и «мое». Жажду правды... Что! Возьмешь такое наследство!

— Возьму! — Данила встал.

В понимании полковника это «я» и «мое» — символ духовной слепоты. Потому-то с горечью спрашивает он Данилу, упрекнувшего его в горячах, — а ты, мол, где был в тяжелые времена—так же, как Димка упрекал своих родителей: «Ну, а ты с каких позиций спросил! Не обижайся, скажу: «Я, дескать, вырос и живу во времена, когда культ разоблачен, на мне нет первородного греха. Я могу судить, обвинять, карать. Я знаю истину!» А ведь это, Данька, оттуда же, из времен культа тянется, если себя считать непогрешимым, над людьми ставить. Это снова «я» проклятое».

Полковник учит Данилу высшей мудрости — возвыситься над своим «я» во имя ближнего, во имя правды и жить ради правды, которая исчезает, как только перестаешь ее искать.

Данька принимает наследство ветерана революции и, приняв, начинает борьбу за него.

Столкновение Данилы с Виктором, московским племянником полковника, красивым краснобаем и ловкачом,— первый этап этой борьбы,— самые, значительные страницы в повести.

Виктор — из тех, кого называют «тонкая штучка», его не так-то просто уязвить. Он студент столичного вуза, отличник, общественник. Он и работать собирается хорошо, ведь ему «взлететь» надо, быть выше прочих хочется, чтобы «потреблять» по своим потребностям. Виктор — тоже наследник. Но в наследстве он ищет совсем иное — материальные ценности; те, что ему причитается, он не пропустит миме рук. Забыв об

уважении к умершему, который желал свое единственное богатство — книги — отдать библиотеке, забыв о такте, о порядочности, он требует «свою» долю наследства.

Поединок Данилы и Виктора завершается победой Данилы. Закон писанный был на стороне Виктора, и он казался неуязвимым до тех пор, пока в силу не вступил закон неписанный, тот закон, за торжество которого полковник Данилов отдал свою жизнь,— закон человечности и справедливости.

Есть нечто страшнее для Виктора — опасность быть разоблаченным перед людьми того круга, где он собрался преуспевать. Он знает, если его там поймут, кончилась его карьера.

Потому-то превращается он из самоуверенного денди в мальчишку, которого высекли, едва Данила заговорил о товарищеском суде. Сразу же поступок Виктора получил свое истинное освещение — даже в его собственных глазах.

Так торжествует человеческое.

Почти одновременно появились две повести — краснодарца Г. Садовникова «Суета сует» («Юность» № 3, 1963) и К. Черного «Сегодня, завтра, вею жизнь» (г. Ставрополь, 1962). Обе о будущих педагогах, о студентах педагогического института.

В первой автор рассказывает о формировании убеждений мещанина, вторая — о том, как складывается внутренний мир современного положительного героя.

Повесть Г. Садовникова в своё время подвергалась суровой критике в печати. Самым существенным, пожалуй, пороком этой книги было то, что автор, передоверив отрицательному герою позицию говорящего о жизни, устранился и мещанин в его произведении остается на тех же незыблемых позициях, на которых стоял и в начале повести.

Так Данила сделал свой первый шаг в борьбе за наследства.

Эта борьба сложна и многообразна. В определенном смысле она затрагивает всех героев повести. Сам того не ведая, Данила выигрывает и еще один бой — с Леонидом Коржавиным.

Леонид — тот же Виктор, более осторожный и скрытный, потому что он показан в своей среде, в той, где он хочет процветать, где невыгодно ему раскрывать свое «я», где необходима ему социальная мимикрия.

Писательница в характере этого человека разоблачила эстетический паразитизм мещанства. Мещане ценят красоту и тянутся к ней, стремясь заставить служить себе. Так тянется Леонид Коржавин к Наташе, к книгам, к искусству.

Наташа Чугуева — красива и таит в себе обаяние нераспустившейся женственности.

Леонид слишком ограничен, чтобы разобраться, что за человек Наташа, но он достаточно умен

ЧЕЛОВЕК И ЛЮДИ

Лев Зуев, герой, от имени которого ведется повествование, совершил немало мелких и крупных подлостей, уверенный, что живет по единственно разумным и правильным жизненным нормам. Мещанство — его философия, его мораль. Любой факт он воспринимает как подкрепление мысли, что спокойствие, равнодушие и ловкачество — истинная мудрость жизни. И убежденность его остается фактически неразоблаченной.

«...Меня не прошибешь. Я только крепче сжал челюсти. Они стали тверже металла».

Однако в повести при всех ее недостатках есть интересные наблюдения над психологией современного мещанина. Да, как ни враждебно по своей сути мещанство развитию, и оно подвергается

все же, чтобы почувствовать ее обаяние и понять, что ему не удержать ее, — нет для того духовных сил, — если не принять соответствующие меры. И он принимает эти меры, он стремится оградить ее от большого мира, запереть в своем мирке, как запер он в своих шкафах сотни прекрасных книг, сделать ее рабой, человеком. Он хочет, чтобы эта человеческая красота обслуживала его, существовала лишь для него.

Настоящая любовь не боится мира, она ищет его, идет ему навстречу. Мещанская — боится, ибо знает, что не выдержать ей борьбы с этим миром, а борьба не может не возникнуть. Ареной борьбы стало сердце Наташи. Нежное и доверчивое, оно могло ошибаться, но в нем было достаточно сил, чтобы исправить ошибку.

Данила одержал две крупные победы. Но впереди еще много боев.

Борьба продолжается.

воздействию времени, меняет обличье свое.

Автор замечает, что современный мещанин, как это ни парадоксально, в какой-то степени, извращенно, задет психологией коллективизма. Ему необходимы люди. Без них он готов «волком выть».

В настоящее время все человеческие отношения складываются в коллективе. И такие блага жизни, как внимание, почет, слава, которые самовлюбленному эгоцентристу ох! как привлекательны, могут возникнуть только в коллективе. Мещанину нужны люди, чтобы возвышаться над ними и поработать их, чтобы чувствовать себя умнее и значительнее их, чтобы заставлять их преклоняться перед собой.

Угадав это свойство психологии своего героя, Г. Садовников не исследует его, не

вдумывается в те коллизии и столкновения, которые неизбежно должны возникнуть во взаимоотношениях героя с окружающими. Может быть, в этом кроются корни всех недостатков повести. Лев Зуев, теряя уважение, дружбу, привязанность окружающих, остается внутренне неуязвленным, спокойно торжествующим, в те время как рушатся фактически все основы его философии — он остается в пустоте. Между тем мещанин, сам безразличный к людям, не терпит безразличия, а тем более, презрения окружающих. Здесь для него возникает стена, ударившись о которую, он не может не прийти к каким-то новым для него выводам. Этих-то выводов в повести нет.

Повесть К. Черного «Сегодня, завтра, всю жизнь» фактически посвящается решению вопроса — человек и люди. В чем существо взаимоотношений личности и коллектива! Что должен дать человек другим! И что могут другие дать ему! В чем смысл жизни и счастья человека!

Лев Толстой высказал когда-то очень верную мысль: «В жизни есть только одно несомненное счастье — жить для других».

Наполняясь разным содержанием, эта мысль была верна для всех времен. Только исходя из нее, можно понять то, казалось бы, необъяснимое мужество и спокойствие, с которым лучшие люди прошлого умирали за идею. За идеей всегда виделись люди, их будущее, их счастье.

Алексей Светлов, главный герой повести К. Черного, по самой сути избранной им деятельности, живет для людей и во имя людей.

Гуманизм его — не мелкая филантропия, хотя он никогда не откажет в помощи рядом живущему товарищу. Его гуманизм — сознательная жизненная позиция активного гражданина общества.

В настоящее время много говорится о гуманизме,

Иной раз его сводят к доброте и человечности по отношению к окружающим. Естественным следствием такого понимания гуманизма являлось противопоставление человека и его дел, принижение дел человеческих во имя человека. Так фактически получилось в статье Ф. Светлова о романе Ю. Трифонова «Утоление жажды», помещенной в «Новом мире». Да и не только в статье Ш. Светлова. Можно сказать, что это определенная тенденция в понимании гуманизма, имеющая корни в общественной жизни.

Устами одного из своих героев французский писатель Сент-Экзюпери сказал о том, что волновало его самого и заставляет задумываться многих:

«Хоть человеческая жизнь и дороже всего, но мы всегда поступаем так, словно в мире существует нечто еще более ценное, чем человеческая жизнь... Но что!» — спрашивает он.

Человек привык считать самым ценным то, во имя чего он готов отдать свою жизнь: свои идеалы, свои мечты и, конечно же, дела свои, в которых он видит воплощение идеалов.

Гуманизм Алексея Светлова—это позиция человека, живущего для будущего, для полного торжества идей революции, совершившейся почти столетия назад. Смысл и значение школы он рассматривает только по отношению к революции, к будущему.

Потому-то руководством к действию стали для него слова В. И. Ленина о школе: «Победы революции может закрепить только школа».

Автор большое внимание уделяет формированию убеждений молодого человека. Основательно прослежен интеллектуальный рост героя, сам процесс познания, работа с книгой. Книга по праву может быть названа одним из равноправных героев повести. И

все-таки не это главное для К. Черного. Убеждение начинается там, где слова переходят в поступки. Этот переход слов в дела, то есть иначе говоря, рождение убеждений, более всего привлекает автора. Не случайно волнует Алексея Светлова вопрос, правильно, ли он поступил, когда, забыв о такте, об элементарном приличии, демонстративно уходит с лекции, которая была, с его точки зрения, лицемерной.

По форме его поступок был, очевидно, бестактным, но по существу, как проявление протеста против несоответствия слов и дел человеческих, он имел смысл и соответствовал всему облику Алексея.

Идейным центром книги можно назвать главы о столкновении судеб двух Алексеев. Это действительно была проверка убеждений Алексея Светлова жизнью. В ресторане он увидел совсем юного паренька в компании пьяных хулиганов. Алексей понял, что это, очевидно, его первый «выход». Вся будущая жизнь юноши встала перед Алексеем.словно две дороги вели в нее от столика, густо заставленного бутылками. По какой пойдет этот, еще почти мальчишка! Алексей пенял, что многое сейчас зависит от него. Как поступит он, сможет ли быть достойным избранной профессии!

И Алексей начинает свое первое серьезное сражение за будущее человека. Но именно теперь понял он, как трудно, порой и опасно, сражаться за человека. Парнишку он вырвал из лап хулиганов, а сам, раненый одним из них, попал в больницу. Казалось бы, Алексей одержал победу. Но он не был бы настоящим гуманистом, если бы поставил здесь точку. «Враг мой — брат мой» так называется одна из глав. Кто он, нанесший рану Алексею! Тоже Алексей, сын погибшего на фронте отца. Только ли осуждения заслуживает он!

«...Раньше, чем поднял ты на меня нож, раньше за много лет до этого были мы с тобой

уже братьями. Нас породнила кровь наших отцов»,— думает Алексей и начинает свое следующее сражение за человеческую душу. Сначала недоверчиво, потом с открытой душой его тезка принимает протянутую руку помощи и дружбы.

Таких сражений у Алексея было много. Может быть, стоит вспомнить еще об одном. О сражении за Семена Поправку. Семен — это по духу родной брат Льва Зуева. В идейном поединке с окружающими, с Алексеем Семен терпит поражение. Он покидает институт, который казался ему прибежищем от всех трудностей, приютом спокойствия и духовной лени.

Поправка едет искать иных дорог, искать самого себя. Позиции мещанина нанесен удар, чего нет в книге Г. Садовникова.

Мысль об ответственности каждого за всех и всех за каждого стала итогом, который завершил нравственные поиски будущего учителя. В этом же существо того гуманизма, который утверждает книга К. Черного. Революция продолжается, она совершается в душах людей. Идет гражданская война идей, взглядов, привычек — во имя человека коммунистического завтра.

Несколько слов — о форме этих двух повестей. Обе они представляют собой

исповедь главного героя, что весьма характерно для современной лирической повести, содержанием которой обычно являются нравственные и интеллектуальные поиски героя. Надо сказать, что К. Черный выбрал форму, вполне соответствующую содержанию повести. Этого не скажешь о «Суете сует». В критике ничего не говорилось о том противоречии содержания и формы, которое превращает повесть в эстетическое уродство. Ведь автор втискивает содержание, по существу сатирическое, в рамки лирических излияний героя.

ВОСПИТАНИЕ ГЕРОЯ

Что такое героизм! На этот сложный вопрос хочется ответить просто — преодоление инерции покоя или сохранение инерции движения. Подвиг совершают разные люди, в силу разных причин. Иногда он продолжение всей жизни человека, иногда кажется неожиданным, даже случайным, но на самом деле есть ему глубокие причины, которые заставили человека преодолеть обычное свое отношение к жизни.

Алексей Барышев (В. Чернов, «Сто пятая жизнь Акбара») и Дмитрий Шибаяев (В. Колесников, «На взлетной полосе») совсем не похожи друг на друга, как и Данила Власов и Алексей Светлов. Вместе с тем их всех объединяет и нечто общее. Все они относятся к числу тех, кого в литературе принято называть положительными героями. Как бы ни спорили о существовании этого термина, оно остается неизменным. Ясно, что речь идет о человеке, воплощающем в себе лучшие черты, рожденные временем, о человеке, если и не совершившем подвига, то потенциально к нему готовом.

И Алексей Барышев, и Дмитрий Шибаяев ничего особенного не совершают. В повести Чернова рассказано лишь об одном спортивном соревновании, сто пятом по счету. Повесть В. Колесникова, в сущности, о том, как Митя не стал летчиком, потому что не позволило здоровье. В то же время эти повести о закалке человеческого характера.

В «Сто пятая жизнь Акбара» есть знаменательный эпизод. Алексей чувствует, что он отстает, почти все гонщики уже впереди, ясно, что команда проиграла из-за него. Мысль эта в человеке слабого вызвала бы лишь упадок сил и родила безразличие. Истинные качества человека определеннее всего проявляются в моменты поражения. Герой В. Чернова тем особенно и интересен, что в нем рождается качество

настоящего борца, для которого не существует размагничивающих «свели»: «А если все равно ничего не выйдет», «а если все это зря...». Он идет до последней черты. За такими людьми всегда остается моральная победа. С изломанным велосипедом на плече, с разбитыми ногами Барышев прибегает к финишу, и он выигрывает одну минуту. Всего одну минуту, но минута эта решает судьбу соревнования.

Повесть могла бы стать повествованием о спортивной победе Акбара, если бы автор всеми средствами композиции не стремился расширить значение этого частного эпизода.

В. Чернов стремится писать так, чтобы произведение его говорило гораздо больше, чем говорят сами события, и там, где ему это удастся, он достигает несомненных успехов.

Главный смысл совершающегося раскрывается во втором, внутреннем плане произведения — во вставных эпизодах, в воспоминаниях, ассоциациях, в авторской интонации, что особенно важно.

Вся жизнь Алексея Барышева, в том числе и спортивная, воспринимается как процесс воспитания в нем качеств Сережи Павлова, который во время войны ценой такой спортивной победы спас подпольщиков от верной гибели.

Судя по первым произведениям В. Чернова, для него весьма характерно стремление весь жизненный материал, охваченный рамками одной художественной структуры, подчинить движению одной мысли, которая становится как бы внутренним стержнем повести или рассказа. В современной прозе такая конструкция стала уже довольно распространенной, она является, на мой взгляд, крайним выражением того интеллектуализма, который признан сейчас одним

из характерных свойств литературы последних лет.

Такой движущей основой для «Сто пятая жизнь Акбара» и явилась мысль о том, что подлинный герой начинается с воспитания в нем качества, которое можно бы назвать «безоглядностью», той самой безоглядностью, о которой так много говорилось в народных сказках. Не оглянешься — победишь, оглянешься, испугаешься — пропадешь.

В. Колесников историю формирования Мити Шибаяева представляет как историю борьбы с собственными слабостями, как преодоление той инерции покоя, когда человек способен превратиться в сонного обывателя.

«Я родился трусливым человеком... Я боялся всего, хотя время было такое, что даже дети научились ничего не бояться. Была война... Я ненавидел свою трусость, но одолеть ее не мог». Страх, рожденный инстинктом самосохранения, — опасная человеческая слабость, если человек не может подавить ее. В определенных условиях она может превратиться в причину многих бедствий, стать источником социальной трагедии.

В повести В. Колесникова прослеживается сложный процесс преодоления человеческой слабости, завершающийся торжеством воли и мужества. Диалектика мыслей и чувств, кроющаяся за человеческими поступками, привлекает его внимание прежде всего. Конечно, не всегда удается писателю проникать в глубины этой сложнейшей области человеческой жизни. Но в том, как он порой двумя-тремя штрихами умеет обозначить состояние души человека, чувствуется художнический глаз. Вот, к примеру, конец повести, преодоление последнего «рубеза смелости». Зачем, казалось бы, совершать Мите свой последний дерзкий по смелости вылет, если ему

никогда не сесть за руль самолета! Зачем все эти виражи, которые так и не смог выполнить погибший Саша Лазеркин, друг Мити!

Между тем они были необходимы как определенный этап духовного развития, как свидетельство победы над слабостью, над страхом. «Прыгай! Выводить поздно. Прыгай!—шепчет мне страх. Но я крепко держу штурвал и жду, жду, стараясь не смотреть на землю».

Саша погиб, — это произвело сильное впечатление на курсантов. Один из них, Николай Ковалев, оставил легкое дело. Он испугался за свою жизнь.

А Митя сумел преодолеть это чувство, чтобы доказать себе, что никогда не побоится любого испытания, стоящего на пути.

В. Колесников всей повестью своей спорит с трусостью, с той осторожностью, которая рождает ложь, сковывающую по рукам и ногам. Не успеешь оглянуться, а она уже опутала, запеленала и превратила человека в куклу. Такой куклой была классная дама, которая когда-то еще в школе, пыталась внушить Мите скучную «мудрость» пескаринной жизни.

Этой ложью пропитан Николай, размеривающий каждый шаг свой, отвешивающий по мерке даже человеческие чувства. Когда Митя спорит с товарищами, что раскроет парашют в двухстах пятидесяти метрах от земли, Николай с тревогой ждет, решится ли Митя сдержать свое слово. Успех Мити не только удар по его самолюбию, это удар по его убеждениям. Он никогда не совершит ничего такого, что подвергло бы риску его жизнь и его спокойствие. То, что Николай Ковалев становится позже соучастником подлости, то, что он оставляет летнее поле из страха,— закономерно. Но закономерно и другое — уходит он, зная, что другие на его месте поступили бы иначе,

что его трусость — это трусость, а не благородие, и есть кроме нее иное, не понятное ему отношение к жизни. Николай Ковалев утрачивает нечто очень важное — уважение человека к себе — в этом смысл разоблачения этого характера.

Человек должен уважать себя, он, знающий о себе самое сокровенное,— помыслы, намерения, желания,— чего могут не ведать даже близкие. Он должен знать о себе самую главную правду что бы ни случилось, он не струсит и, если прав, докажет свою правоту. Такой человек не предаст ни Родину, ни дело свое, ни товарища, ни себя. Он смело может сказать о себе: я гражданин!

Таков смысл первой повести В. Колесникова.

О повести В. Мазницына «Острова» пока трудно говорить. Она напечатана в значительно сокращенном варианте. Однако творческая устремленность автора уже чувствуется. В повести есть живой нерв, заставляющий воспринимать разрозненные эпизоды как единое целое. Ощущение единства создается взглядом на мир, на людей. В этом мироощущении автора есть и что-то еще, может быть, неясное, зыбкое. Но есть и нечто свое, определенное, в чем, вероятно, и проявляется его творческая индивидуальность. Это свое — в мужественной сдержанности автора, в скрытой, суровой романтике будней простого человека, который, очевидно, привлек В. Мазницына отнюдь не случайно.

В отличие от повестей В. Чернова, В. Колесникова, тяготеющих к одному герою, повесть В. Мазницына — о многих. Его герои далеко не идеальны, они даже подчеркнута будничны, но сам характер их сурового труда придает их облику что-то возвышенное. Мазницын знает то, о чем пишет, и, не скупясь, выписывает незамысловатые

детали сурового морского быта.

Как и других наших прозаиков, В. Мазницына в человеке влечет крепкое, надежное. Для него эта человеческая крепость, на которой зиждется вся жизнь человеческая,— в мужественной безотказности тружеников.

Рождение этого качества привлекает его особенно. Есть в повести такой эпизод. На рыболовецкое судно, в маленький, но слаженный коллектив, попадает новичок. Его встречают, как и положено встречать нового человека, — доброжелательно и настороженно.

Доброжелательность вскоре исчезает. Парень оказался никудышный. Ничего толком не умел, глуповато конфузился и так же «глуповато ухмылялся». Все молчаливо решили, что ему с ними не плавать, и нарекли его «пассажиром». Но парню удалось отличиться — и совершенно неожиданно. Когда кончились продукты, рыбаки отправились пострелять уток, чтобы возможно было продолжать лов. Прихватили и радиста «для балласта». И тут выявилось, что есть у него незаменимое достоинство. Он оказался хорошим стрелком. Всем добытым запасом пищи рыбаки были обязаны ему. В душу команды упало первое зерно уважения к человеку, ибо каждый здесь живет с убеждением, что главное в человеке — умение.

Пало такое же зерно и в душу радиста. Когда начинает распрямляться эта еще не оперившаяся душа, чувствуешь, что за глуповатой улыбкой крылись боль и обида на себя и товарищей. Сознание, что он на что-то годен, что он полезен людям, распрямляет радиста.

Перерождение героев Мазницына начинается с открытия в себе общественной полезности. Мысли, чувства человека, его ценность раскрываются не сразу; постепенно из поступков, из деталей поведения вырисовывается

психологический рисунок характера.

За внешне простым, грубоватым, обликом своих героев Мазницын ищет подлинное и открывает доброе, по-своему мудрое, человеческое. Сопоставление в двух параллельных сценах весьма «интеллигентного» старпома и простоватого помощника механика Вити Клыкова имеет особый смысл. Оба они предстают наедине с молоденькой девчонкой Валей.

О недостатках говорят под занавес. В этом есть свой смысл. История движения вперед, очевидно,— в преодолении слабостей.

Недостатки бывают разные. О каких говорить! Можно бы отметить, что у К. Черного и В. Чернова менее удачны женские образы, что В. Колесников вообще не решился пока писать об этой половине рода человеческого, если не считать образов эпизодических. Можно сказать, что В. Чернов в погоне за мыслью может забыть о художественной добротности ткани произведения. А В. Мазницын еще не вполне владеет мастерством композиции. Скажу о другом. О смелости, о взмахе кисти. Иногда кажется, что книги наших прозаиков написаны как бы в полсилы, что авторы не перетруждали себя, не измучились, ломая голову над вопросами жизни, над каждым словом. В их произведениях порой чувствуешь присутствие того внутреннего редактора, о котором писал в поэме «За далью даль» А. Твардовский. Этот редактор там подправит, тут сгладит, здесь подпустит розовой водицы, а там мазнет серым. Этот редактор не любит и боится правды, он всегда за полуправду. С этим редактором надо бороться беспощадно, безоговорочно, с позиций писателя-коммуниста. Тогда произведение художественного слова станет подлинным исследованием жизни.

Старпом с его нагловатыми ухаживаниями выглядит жалким и примитивным рядом с Витей, который понял Валю, увидел в ней еще нет завершенное, слишком рано прерванное детство и сказал ей: «Тебе бы с мамкой пожить еще».

В. Мазницын в первой повести проявил тяготение к той линии в современной нашей литературе, которая может быть обозначена именами во многом противоречивых,

ОГРЕХИ НА ВОЗДЕЛАННОМ ПОЛЕ

очень разных, но в чем-то и сходных художников слова, как В. Конецкий и В. Липатов. Оба они пишут большей частью о людях скромных, мужественных, внешне не блестящих, но таящих в душе духовные сокровища, без которых мертва была бы жизнь».

Хочется верить, что став на эту благодатную, но далеко не торную дорогу, Мазницын найдет на ней свою собственную стезю.